

> МАГИСТРАЛЪ >

КАРОЛИНА ПАВЛОВА

Светолунный сад

Москва
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
П12

Предисловие *Владимира Коровина*
Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Павлова, Каролина Карловна.
П12 Светлолунный сад / Каролина Павлова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-192711-0

Каролина Павлова прожила почти сто лет. Родившись в начале XIX века в семье обрусевшего немца, Павлова стала заметной фигурой в литературе той эпохи. Ее постоянными собеседниками были лучшие поэты поколения — Пушкин, Баратынский, Языков, Мицкевич. Стихи Павловой, печатавшиеся в известных журналах, нужно воспринимать наравне с сочинениями признанных классиков отечественной поэзии. Энергию ее стихотворений, обладающих гипнотизирующей интонацией и необычной образностью, можно сравнить с текстами Эмили Дикинсон — младшей американской современницы Павловой, творившей в затворничестве. Павлова, в отличие от Дикинсон, была известна при жизни, но осталась в тени эпохи, лишь изредка появляясь в посвящениях и письмах более прославленных современников. Нет сомнений, что сейчас настало время заново открывать ее творчество.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-192711-0

© Коровин В.Л., предисловие, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ КАРОЛИНЫ ПАВЛОВОЙ

...То дар, живительный, как вера,
Неизъяснимый, как любовь.

«Е.А. Баратынскому» (1842)

...Носить в душе безумный жар поэта
Себе самим и прочим на беду.

«*Laterna Magica*» (1850)

Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

«Ты, уцелевший
в сердце нищем...» (1854)

1

Каролина Карловна Павлова (урожденная Яниш) (1807–1893) — одна из первых в русской литературе женщин, занявших место в одном ряду с лучшими поэтами своего времени¹, и едва ли не самая первая, чьи стихи стали оценивать с точки зрения поэтического мастерства, а не как факты жен-

¹ Она единственная из русских женщин-поэтов XIX в., чьи сочинения в XX в. выходили в научно подготовленных изданиях неоднократно. Впервые их собрал и издал В. Я. Брюсов: Павлова К. Собр. соч.: [В 2 т.]. / Ред., [предисл.] и материалы для биографии В. Брюсова. М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1915. В серии «Библиотека поэта» ее стихотворения выходили дважды: Павлова К. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья Н. Коварского; ред. текста и примеч. Е. Казанович. Л.: Сов. писатель, 1939; Павлова К. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья П. П. Громова; подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. В наст. изд. тексты печатаются по второму из них.

ского творчества, якобы требующие особого к себе отношения. Она писала не только на русском, но еще на немецком и французском языках. Не только сочиняла, но и переводила (в том числе с русского — на немецкий, с немецкого — на французский), и ее переводы, как правило, были не только точны по смыслу, но и передавали стихотворную форму оригинала (что тогда не считалось обязательным). Уже первые ее русские стихи, появившиеся печати в 1839 г. рядом со стихотворениями М. Ю. Лермонтова, самый известный из русских критиков сразу назвал «прекрасными» и так рекомендовал читателям: «...подивитесь сами этой сжатости, этой мужественной энергии, благородной простоте этих алмазных стихов, алмазных и по крепости и по блеску поэтическому»¹.

Павлова считала себя ученицей Е. А. Баратынского, который предметом поэзии сделал мысль, направленную на постижение законов бытия и подавляющую «сердца бесполезный трепет». И ее поэзия тоже более интеллектуальна, чем эмоциональна: чувства в ней не столько выражаются, сколько подвергаются анализу, за которым часто следуют нравоучительные или иные обобщающие выводы.

Осуждает провиденье
Сердце жаркое узнать
Горьких мук благословенье,
Жертв высоких благодать.
Нет! есть сила для полета
В смелом трепете крыла!
Та беспечная дремота
Жизнью духа не была.
Он зрелей теперь для дела,
Он светлей для вольных дум;
Что умом тогда владело,
Тем владеет ныне ум.
(«Была ты с нами неразлучна...», 1842)²

¹ Белинский В. Г. Русские журналы [1839] // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 191. Речь шла о четырех ее стихотворениях, напечатанных в журнале «Отечественные записки» (1839. № 5): «Е. М<илькееву>» (под загл. «Неизвестному поэту»), «Клятва Мойны» (из В. Скотта), «Гленара» (из Т. Кэмпбэлла) и «Пойми любовь!» (из Ф. Рюккерта).

² Здесь и далее без ссылок цитируются произведения, включенные в наст. изд.

Евангельский рассказ о хождении Иисуса по водам и апостоле Петре, усомнившемся и едва не утонувшем (Мф 14:25–33), приводит ее к такому заключению:

Не нам до Божьего примера
Достигнуть силою святой!
Не наша уцелеет вера
В грозе, над глубиоу роковой!
Кто жизни злое испытанье
Могучим духом встретить мог?
Кто жар любви и упованье,
Или хоть грусть в душе сберег?
Все чувства вянут в нас незримо;
Все слезы сохнут, как роса;
Земля и небо идут мимо:
Его лишь вечны словеса.
(«Читала часто с грустью детской...», 1842)

Отталкиваясь от интимных чувств и настроений, выразившихся в элегической лирике пушкинской поры, от «беспечной дремоты», Павлова устремляется в область общезначимого, к «жизни духа». Своими торжественными интонациями ее стихи в чем-то созвучны поэзии Ф. И. Тютчева, а порой и Г. Р. Державина¹, о котором напоминают и встречающиеся у нее образцы словесной живописи:

Даль раскинулась пред нами:
Над зелеными горами
Блещут снежных гор хребты;
Полон весь простор окрестный
Торжествующей, чудесной,
Ненаглядной красоты!
Сентис сбросил с плеч туманы,
И венок надел румяный
Он на белую главу;
Над равниной вод сияя,
Смотрит ясно небо мая
Синевою в синеву.
(«Озеро Вален», 1861)

¹ Андрей Белый, анализируя ритмику ямбических стихов Павловой, в особенности отметил «тютчевское» и «державинское» влияние (Белый А. Собр. соч. [Т. 5.] Символизм. Книга статей [1910]. М., 2010. С. 266).

Торжественная и строгая поэзия Павловой многим казалась недостаточно женственной, слишком сдержанной и холодной. Стихи могли нравиться или нет, но всеми чувствовалось, что автор не довольствуется местом, отведенным в литературе для пишущих женщин, и предписанным им традицией кругом чувств и дум, преимущественно нежных.

Павлова не пыталась делать вид, что свободна от женских чувств или презирает их, напротив — именно женские мечтания и судьба являются главными предметами изображения в самых крупных ее произведениях — в написанном наполовину в прозе, наполовину в стихах романе-«очерке» «Двойная жизнь» (отд. изд. 1848) и поэме «Кадриль» (полностью опублик. в 1859), составленной из четырех рассказов светских женщин. Изображение женских мечтаний и чувств здесь местами не лишено иронии и сделано с претензией на психологический анализ, но в целом проникнуто авторским сочувствием и сознанием своей сопричастности к ним. Свою миссию Павлова видела в том, чтоб высказать в поэтическом слове то, что переживают женщины, не умеющие писать стихов, дать слово для них — «немых сестер» своей души, для «всех Психей, лишенных крылий» (см. «Посвящение» в «Двойной жизни»).

В лирике Павловой темы любви и женских грез также занимают свое место, но ими не исчерпывается ее душевная жизнь, а тем более «жизнь духа», имеющего, как она твердо веровала, высшее предназначение. Дух способен подчинять своим целям всего человека, ради высшей цели можно и нужно победить свои человеческие (женские) слабости — эта мысль была аксиомой для Павловой, чьей любимой героиней была Жанна д'Арк, какой ее изобразил Ф. Шиллер в трагедии «Орлеанская дева» (“Die Jungfrau von Orleans”, 1801). Эту трагедию, переведенную на русский язык В. А. Жуковским, Павлова еще в юности начала переводить на французский язык. Полностью ее стихотворный перевод вышел отдельным изданием в Париже в 1839 г., а в изданном тогда же сборнике ее французских стихов находилось большое оригинальное стихотворение в трех частях “Jeanne d’Arc” («Жанна

д'Арк»), где Павлова от своего имени обращалась к французской героине¹.

Как поэзия Павловой (философическая, с образами мировой истории и культуры), так и ее поведение в обществе (где она при любом удобном случае начинала читать стихи, принимая вид серьезный и величественный, подобающий их содержанию) в переписке и мемуарах ее знакомых оценивались иронически, а то и с раздражением, поскольку казались не совсем к лицу женщине. К ней относились иначе, чем, например, к графине Евдокии Петровне Ростопчиной (1811–1858), писательнице замечательной, в чем-то более яркой, но и больше соответствовавшей представлениям ее современников о том, как должна думать и вести себя творчески одаренная женщина.

«Сама госпожа Павлова постоянно думала, что она пишет как русский поэт-мужчина», — не без насмешки вспоминал один из литераторов, но дальше признавался, что думала она так не совсем без оснований: «Во всяком случае, русский стих этой немки был гораздо совершеннее стиха русской барыни Ростопчиной»².

Если бы мнимая «немка», считавшая, как и «русская барыня» Ростопчина, своим родным городом Москву, прочла эти строки (напечатанные, когда она доживала последние годы в Дрездене), она была бы довольна. Как раз к совершенству в поэтическом искусстве — больше чем к полноте и ис-

¹ Французский оригинал и перевод Вс. Рождественского см.: Павлова К. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 500–503, 536–539. См. также: Буланин Д. М. Жанна д'Арк в России. Исторический образ между литературой и пропагандой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. С. 129–137 (гл. 14. Каролина Павлова).

² Берг Н. В. Посмертные записки // Русская старина. 1891. Февраль. С. 264. Между Ростопчиной и Павловой имели место и соперничество, и полемика (см. в наст. изд. «Графине Р<остопчиной>», 1841; «Мы современницы, графиня...», 1847). Их сравнивали и при жизни, а потом, уже в начале XX века, стали противопоставлять их лирику как непосредственную и «женскую» (Ростопчина) и более рациональную и «мужскую» (Павлова); см.: Ходасевич В. Ф. Графиня Е. П. Ростопчина. Ее жизнь и лирика (1916); «Женские» стихи (1931) // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Согласие, 1996. С. 17–38, 208–211; Эрнст С. Р. Каролина Павлова и гр. Евдокия Ростопчина // Русский библиофил. 1916. № 6. Октябрь. С. 5–35.

кренности самовыражения — стремилась Павлова, сочиняя стихи.

Поэзия — одна из сквозных тем в ее творчестве — была и главной страстью ее жизни, хоть она и отдавала себе отчет, что эта страсть бывает губительной или, по крайней мере, отчуждающей одержимого ею от тех, кто ее не испытывает, выглядит в их глазах необъяснимой причудой. Об этом она писала неоднократно — и в иносказательной форме, как в стихотворном рассказе «Рудокоп» (1841), и — гораздо чаще — напрямую, как в очерке «Фантасмагории», опубликованном посмертно (в 1894 г.): «Всякую другую страсть, всякое увлечение можно объяснить; это — нет. Игрок хочет денег; завоеватель — власти и славы; ученый, наконец, ищет полезного открытия. Художник не ищет никакой выгоды, даже и славы не ищет: работал, не спал по ночам, напрягал все силы, изнурялся, дал форму своей мысли, — и доволен; цель достигнута. Какая цель? Что вышло из этой траты покоя и жизни? Одной сказкой стало больше на свете, где их так много».

2

Каролина Карловна Яниш родилась 10 июля (ст. ст.) 1807 г. в Ярославле. Дед ее, получивший русское дворянство в 1805 г.¹, видимо, был выходцем из Саксонии. Отец, Карл Иванович Яниш² (ум. 1853), окончил медицинский факультет Лейпцигского университета и имел докторский диплом. Через год после рождения дочери он перебрался с семьей из Ярославля в Москву и получил место профессора химии и физики в Медико-хирургической академии (врачебной практики он, по словам дочери, избегал, «не желая, как он говорил, быть виновным в смерти человека»). Перед вступлением Наполеона в Москву в 1812 г. Яниши бежали в Ярославль, а по

¹ Роднянская И. Б. Павлова Каролина Карловна // Русские писатели. 1800—1917: Библиографический словарь. Т. 4 (М—П). М., 1999. С. 493—499, здесь с. 493.

² Рапгоф Б. Е. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества. Пг.: Трирема, 1916. С. 3. Здесь уточняется, что имя ее отца — Карл Иванович, а не Карл Андреевич, как ранее указал В. Я. Брюсов в своих «Материалах для биографии Каролины Павловой», напечатанных в подготовленном им издании 1915 г. (см. выше сноску 1).

возвращении обнаружили, что их дом сгорел, а имение под Смоленском разорено. До начала 1820-х гг. они жили по домам и подмосковным имениям старых русских аристократов, интересно описанных в воспоминаниях нашей героини (среди них — графиня Е. П. Строганова и князь П. И. Одоевский)¹.

Единственный ребенок в семье (младшая сестра умерла в 1816 г.), Каролина была окружена родительской заботой и получила отличное домашнее образование. К 19-ти годам она свободно говорила на нескольких языках и писала стихи. С 1826 г. она — посетительница салона А. П. Елагиной, единокровной сестры В. А. Жуковского и матери братьев Киреевских, а потом и салона княгини З. Н. Волконской, где знакомится, в частности, с Баратынским, который с вниманием отнесся к ее поэтическим опытам и одобрил их, благодаря чему она, по ее словам, «поверила в себя» («Е. А. Баратынскому» [«Случилось, что в край далекий...»], 1842).

Здесь же состоялось и ее знакомство с польским поэтом Адамом Мицкевичем (1798—1855), который с ноября 1825 г. жил в Москве, числясь на службе (а фактически находясь в ссылке), и удивлял московское общество своими талантами и импровизациями. По ее настоянию он был приглашен к ней в дом учителем польского языка. Между ними возникло взаимное чувство. 10 ноября 1827 г. он сделал ей предложение и получил согласие. Это было «при шуме бала», как потом вспоминала она (в стихотворении «10 ноября 1840»). Родители Каролины и ее богатый дядюшка, от которого они зависели, воспротивились браку с малоимущим и неблагонадежным в глазах властей поэтом. Помолвка расстроилась, но Каролина еще надеялась. Мицкевича перевели в Петербург, потом он вернулся, потом снова уехал. В феврале 1829 г. она написала письмо, вызывая его в Москву и прося решить ее

¹ Павлова К. Мои воспоминания // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 10. С. 222—240 (это ее предпоследняя прижизненная публикация в России). Воспоминания касаются только войны 1812 года и детских лет мемуаристки; начаты в 1868 г., видимо, под впечатлением от чтения «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Павлова читала их в 1869 г. А. К. Толстому, который высоко их оценил: «Это не похоже на “Войну и мир”, но освещает тот же предмет с новой стороны» (Толстой А. К. Собр. соч.: В 4. М.: Правда, 1969. Т. 4. С. 364, письмо М. М. Стасюлевичу от 7 окт. 1869 г.).

судьбу. В апреле он приехал, предложил вместо брака дружбу, написал ей в альбом стихотворение о перелетных птицах и навсегда уехал из России¹.

Брошенная невеста пережила не только горе, но и разочарование в своем первом «кумире», и потом в стихах не раз возвращалась к этой своей жизненной драме, пытаясь ее осмыслить:

Кто не стоял, испуганно и немо,
Пред идолом развенчанным своим?..
(«К тебе теперь я думу обращаю...», 1842)

И мне блеснул сквозь лет прожитых тени
Ребяческий, великолепный мир;
Блеснули дни высоких убеждений
И первый мой, нездешний мой кумир.
<...>
Кто к призраку мне возвратит любовь?..
(«Дума» [«Вчера листы изорванного тома...»], 1843)

Из-под холодного покрова
Ужель встает немая тень?
Ужели я теперь готова,
Чрез двадцать лет, заплакать снова,
Как в тот весенний, грустный день?
<...>
Боялась, словно вещи чумной,
Я этой горести безумной
Коснуться сердцем хоть на миг.
(«Среди событий ежечасных...», 1848)

Только к концу жизни она внутренне примирилась со своим «развенчанным идолом». В 1890 г. в ответ на письмо сына Мицкевича Владислава, интересовавшегося подробностями жизни покойного отца, она написала, не вспоминая

¹ См.: Храневич К. Е. Мицкевич и Каролина Яниш // Исторический вестник. 1897. Т. 67. № 3. С. 1080–1086 (изложение по исследованиям польского автора И. Третьяка, изданным в 1884 и 1896 гг.). Ср.: Брюсов В. Я. Указ. соч. С. XII–XVII; Рапоф Б. Е. Указ. соч. С. 7–11. Стихотворение “Do imionnika ranny Jaenisch” переведено Брюсовым: «Перелетные птицы» («Когда пролетных птиц несутся вереницы...»).

обиды и даже выразив как будто сохранившееся любовное чувство: «Время — вместо того чтобы ослабить — лишь укрепило мою любовь. <...> Он всегда стоит предо мной как бы живой. Для меня он не перестал жить. Я люблю его теперь, не переставала любить его все время. Он мой, как был моим когда-то»¹.

К 1829 г. закончились собрания в салоне Зинаиды Волконской, еще раньше Мицкевича уехавшей из России (тоже навсегда — в Италию, где она примет католичество), но жизнь Каролины Яниш не опустела. Ее успехи в литературе и светской жизни только начинались. Летом того же года она очаровала посетившего Москву Александра Гумбольдта, ученого и путешественника (он доставит тетрадь ее немецких стихотворений к самому И. В. Гёте), и познакомилась с Н. М. Языковым, с которым ее надолго свяжет поэтическая дружба (он адресует ей восемь стихотворений, она ему — четыре).

Князь П. А. Вяземский, вдохновленный вниманием к ней со стороны Гумбольдта, в 1830 г. написал стихи «В альбом к Каролине Карловне Яниш» с похвалами ее уму и учености: «Известны мне ваш ум, его занятия, / Кому открыл разборчиво объятья, / Сей пламенный воспитанник наук, / Согражданин всех муз разноплеменных... / <...> / Вы в лучший мир — мир чувства, мир ума — / Проникнули сочувствием свободным, / И стало вам испытанным и сродным, / Что от других таит немая тьма»².

Она и сама уже была «согражданин всех муз разноплеменных», признанный пока, правда, лишь лично с нею знакомыми русскими поэтами. Языков в 1831 г. в послании к ней писал, что видит, как на ее голове уже свиваются «два венка, один другого краше» — «Зеленый лавр поэзии чужой / И бриллианты музы вашей!»³

Скоро она решила выступить в печати, но со стихами не на русском, а на немецком языке.

В 1833 г. в Германии вышел сборник ее стихотворений — «Das Nordlicht. Proben der neuen russischen Literatur» («Север-

¹ Храневич К. Е. Указ. соч. С. 1086.

² Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: [В 12 т.] Т. 4. СПб., 1880. С. 90–91.

³ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 308 («К. К. Яниш» [«Вы, чьей душе во цвете лучших лет...»]).

ное сияние. Образцы новой русской литературы»)¹. Здесь были переводы народных песен, произведений В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского, Д. В. Веневитинова, Н. М. Языкова и др., а также 10 ее оригинальных стихотворений, написанных на немецком языке. Сборник послужил делу популяризации русской литературы в Германии, где книгу заметили и оценили. Он стал событием и в России, дав повод И. В. Киреевскому выступить с программной статьей о литературном творчестве русских женщин. Насчет самой Яниш, своей давней знакомой, он заметил: «...мне досадно видеть, что русская девушка так хорошо владеет стихом немецким; еще досаднее знать, что она так же хорошо, и, может быть, еще лучше, владеет стихом французским и только на своем отечественном языке не хочет испытать своих сил!»²

С русскими стихами она выступит в 1839 г., но уже не как девица Яниш, а как Каролина Павлова.

3

В 1836 г. умер богатый дядюшка Каролины (препятствовавший ее браку с Мицкевичем). Будучи его главной наследницей, она сделалась богатой невестой и в январе 1837 г. уже вышла замуж. Ее мужем стал Николай Филиппович Павлов (1803—1864), выходец из крестьянского сословия, выпускник Московского университета, в прошлом театральный актер и переводчик, а теперь успешный и многообещающий писатель³. Для него это был второй брак. Подозревали, что женится он не без корыстного расчета, но их брак и поначалу, и долго потом выглядел счастливым.

¹ Das Nordlicht. Proben der neueren russischen Litteratur von Karoline von Jaensch. Dresden; Leipzig, 1833. III—XV, 256 S.

² Киреевский И. В. О русских писательницах // Киреевский И. В. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1979. С. 131. Статья вышла под новый 1834 г. в альманахе «Подарок бедным», изданном в Одессе Новороссийским женским обществом призрения бедных.

³ Успех Павлову принесла книга «Три повести: Именины. Аукцион. Ятаган» (1835), в ней изображались бесправие людей из низших слоев общества и узаконенный светскими правилами обман в семье. Следующая книга — «Новые повести: Маскарад. Демон. Миллион» (1839). Позднее выступал только как журналист, к художественному творчеству не возвращался.

Супруги поселились в новом доме (ныне Рождественский бульвар, д. 14) вместе с родителями Каролины. Она стала хозяйкой литературного салона, который посещали едва ли не все крупные московские литераторы и многие заезжие знаменитости. Муж участвовал в ее светских начинаниях, держась в тени, был первым читателем и критиком ее стихов, о чем она и через десять лет брака заявляла с гордостью, противопоставляя себя Ростопчиной:

...Не требую эмансипаций
И самовольного житья;
<...>
Люблю Москвы я мир и стужу,
В тиши свершаю скромный труд,
И отдаю я просто мужу
Свои стихи на строгий суд.
(«Мы современницы, графиня...», 1847)

В 1839 г. у них родился сын Ипполит (он тоже станет писателем, хоть не столь известным, как его родители; ум. в 1882 г.). В том же году во Франции вышли сразу две книжки Павловой — сборник переводов из русских поэтов «Прелюдии»¹ (здесь были и шесть ее оригинальных французских стихотворений) и перевод трагедии Шиллера «Орлеанская дева» (под заглавием “Jeanne d’Arc”). Тогда же она дебютировала в русской печати — в журнале «Отечественные записки» (см. выше в разделе 1).

1840-е гг. стали периодом наибольшей общественной и литературной активности Павловой. В ее салоне, кроме старых знакомых, появлялись новые литераторы, разделившиеся на западников и славянофилов: первым больше симпатизировал ее муж, ко вторым тяготела она сама (больше всего подружившись с Константином и Иваном Аксаковыми)². Кроме «Отечественных записок» (А. А. Краевского) ее стихи

¹ Les Préludes, par M-me Caroline Pavlof, née Jaenesch. Paris, 1839. XII, 98 p.

² Атмосферу ее салона изобразил Л. П. Гроссман в очерке «Вторник у Каролины Павловой» (Одесса, 1919; 2-е изд. М., 1922). С И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым, «старшими» славянофилами, Павлова была дружна еще со времен посещения ею салонов А. П. Елагиной и З. Н. Волконской во второй половине 1820-х гг.